

Сказка Астрид Линдгрен " Стук постук "

Давным давно, во времена нищеты и голода, по всей стране водились волки. И вот однажды на хутор Капелу пришел волк и напал на овец. Проснулись утром хуторяне, глядь, а курчавые овечки и ласковые ягнятки лежат на лугу мертвые, и кругом разбрызгана кровь – всех волк загрыз, ни одной не оставил. Худшего несчастья для бедных людей невозможно и представить. Ах, как горевали, как плакали обитатели Капелы! Как проклинала вся округа кровожадного убийцу! Мужики собрались и с ружьями, с ловчей сетью отправились на охоту, выгнали зверя из логова и поймали в сеть. Там волку и смерть пришла. Поделом ему, злодею. Не будет больше овец губить! Да только плохое это утешение: пропали овечки – назад не воротить! Ужасное горе случилось в Капеле.

Больше всех горевали двое: дедушка да внучка Стина Мария, самый старей и самая малая из обитателей Капелы. Сели они на пригорке позади овчарни и заплакали. Сколько раз они любовались отсюда овечками, которые паслись на лужайке, и всегда все было тихо и спокойно, никаких волков в помине не было. Все лето каждый день дедушка и внучка приходили сюда: дед грел на солнышке старые косточки, а Стина Мария строила среди камней игрушечные домики и слушала дедушкины рассказы. Дедушка много рассказывал такого, про что знают только старые люди. Про хульдру – чешет хульдра золотым гребешком свои длинные волосы, а сама спину закрывает, потому что сзади она пустотелая; и про эльфов рассказывал дедушка – к эльфам близко не подходи, эльф дохнет на тебя, порчу наведет; еще рассказывал дедушка про водяного – водяной живет в речном омуте и на арфе играет; от дедушки узнала Стина Мария про троллей – тихо бродят тролли в лесной чаще; и про подземных жителей – эти прячутся в глубоких норах, и даже и имя их нельзя произносить вслух. Обо всем этом и толковали дедушка и внучка, сидя за овчарней, – старый да малый всегда друг к другу тянутся.

Иной раз дедушка говорил Стине Марии заветный стих, такой же древний, как хутор Капела:

Стук стук постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было – столько есть.
Тучек на небе не счесть.

В такт этим словам дедушка ударял посохом о землю, а под конец подымал его над головой, чтобы Стина Мария поглядела, как в вышине пасутся тучки; поэтому, дескать, небеса хранят всех овечек и ягнят, которые живут в Капеле.

Но сегодня дедушка со Стининой Марией оба плакали, потому что нынче никак нельзя было сказать "сколько было столько есть", овечки погибли все до единой, и небеса, хоть и пасутся на них тучки, не уберегли земных овечек и ягнят от волка.

– Кабы живы были овечки, мы бы их завтра стригли, – сказала Стина Мария.

– Да, кабы живы были овечки, – вздохнул дедушка, – мы бы их завтра стригли.

Стрижка овец была для Капелы праздником. Конечно, для овец и ягнят никакой радости в этом не было, зато радовались Стина Мария с дедушкой и все остальные обитатели хутора. Сначала на холм возле овчарни притаскивали большую бельевую лохань, потом доставали большие овечьи ножницы, которые в остальное время висели на стене в сарае, а мама Стины Марии выносила из дому нарядные красные ленты, которые она соткала своими руками, – этими лентами овцам опутывали ноги, чтобы не разбежались. Потому что овцы трусили и не хотели купаться в лохани, им не нравилось, когда их связывали и переворачивали вверх ногами, им неприятно было прикосновение холодных железных ножниц. И они совсем не желали расставаться со своей мягкой, теплой шубой для того, чтобы обитатели Капелы могли сделать себе зимнюю одежду. Овцы отчаянно блеяли у дедушки на коленях, не понимая, зачем их стригут. Дедушка всегда сам стриг овец, никто не умел так ловко управляться с ножницами. А пока дедушка стриг, Стина Мария держала голову ягненочка и пела ему песенку, которой выучилась у дедушки:

Ох ты мой ягненок,
Бедненький малыш!

Ах, бедные ягнятки! То, что с ними теперь случилось, было куда страшнее. Волчьи зубы злее, чем ножницы, а обливаться собственной кровью, конечно, гораздо хуже, чем искупаться в большой лохани.

– Никогда уж, наверно, не будет больше овечьей стрижки в Капеле, – сказала Стина Мария.

Но, как говорится, поживем увидим...

Наступил вечер. Дедушка уже отправился спать в свою каморку, но вдруг спохватился, что забыл где то свой посошок.

– Остался, поди, лежать за овчарней, – сказал дедушка. – Сбегай, внученька. Да смотри, поторопись, чтобы похлебку без тебя не съели.

Дело было уже к осени, и когда Стина Мария пустилась бегом за дедушкиным посохом, на дворе начинали сгущаться сумерки; кругом было тихо тихо, нигде ни шороха. Странное чувство охватило девочку, ей вдруг сделалось очень страшно. Вспомнила она тут все, что слыхала про хульдру и троллей, про эльфов и водяного и про подземных жителей. И начало ей всякое мерещиться. Скирды хлеба в поле чернели так угрюмо! Никак это тролли? Сейчас подкрадутся неслышными шагами! Вот плавают над лугом пряди вечернего тумана. Нет! Это эльфы потихоньку слетаются все ближе, чтобы дохнуть на девочку и навести порчу. А хульдра в лесу! Не она ли затаилась среди деревьев? Так и зыркает огненными очами на девочку, которая вздумала одна бродить среди ночи! А что затевают подземные жители? Те, кого нельзя называть по имени?

Но за овчарней на пригорке, на том месте, где сидел дедушка, нашелся его посошок. Стина Мария подняла его с земли и, едва почувствовала в руке гладкое дерево, как сразу перестала бояться. Присела Стина Мария на камушек и снова окинула взглядом поле и луг, лес и усадьбу. Увидела девочка, что в поле стоят скирды, из которых потом намолотят хлеб, увидела, как на лугу, колыхаясь, подымается вечерний туман, как чернеют в лесу деревья, увидела, как светятся в доме окошки, озаренные изнутри приветливым пламенем очага: и всё это – милая, родная Капела – тут уж все страхи Стины Марии точно рукой сняло.

Даже камень, на котором сидела Стина Мария, был частью Капелы. Лисьим камнем называл его дедушка, потому что под камнем в земле была дыра. Дедушка говорил, что это – лисья нора, но никто на хуторе уже не помнил, чтобы тут когда нибудь водились лисы. Стина Мария подумала про лису, вспомнила про волка, но нисколько не испугалась. Она подняла дедушкин посошок и постучала по земле, точно как дедушка. А потом взяла и сказала старинный стих, такой же старый, как хутор Капела:

Стук стук постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было – столько есть.
Тучек на небе не счесть.

И вдруг в тот же миг что то произошло. Откуда ни возьмись, появился перед Стининой Марией маленький человечек, весь сумеречно серый и смутный, как вечерний туман. И глаза у него были старые престарые, как земля и камни; и голос был старый, словно журчание воды в реке или шорох ветра. Старичок заговорил так тихо, что Стина Мария еле различала его слова.

– Кончились все овечки, – бормотал он, – кончились овечки, и Стук постук кончился. Не будете барабанить у нас над головой. Кончились ваши овечки!

После этих слов Стина Мария поняла, что перед нею стоит один из подземных жителей. И тут ей стало так страшно, так страшно, как никогда еще не бывало! Она не могла ни слова сказать, ни пальцем пошевелить – так и застыла, сидя на камне, и только слушала шепот и бормотание.

– Сама говоришь: "Сколько было – столько есть"! И вот и нету у тебя овец, были да сплыли! Мы видали ночью, как их волк всех придушил. Но если ты обещаешь, что не будешь делать Стук постук, тогда я дам тебе новых овец.

Стина Мария вся дрожала от страха, но услышав, что ей дадут новых овец, разом перестала дрожать:

– Ты и взаправду дашь мне новых овечек?

– Да, если сама за ними придешь, – ответил серый человечек.

Не успела Стина Мария опомниться, как человечек снял ее с Лисьего камня будто пушинку, откатил камень в сторону, а потом

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

подхватил девочку, и они провалились в темный подземный лаз, такой длинный, что, казалось, конца не будет этой дороге, она тянулась, точно долгая черная ночь, и Стина Мария подумала: "Вот уж никогда не видала таких лисьих нор. Верно, смерть моя пришла!"

И вот она очутилась в подземном царстве. Там, где дремлют окутанные сумраком дремучие леса, где ветер никогда не колышет ветвей, где густой туман неподвижно висит над сумрачными водами, в которые никогда не заглядывают ни солнце, ни луна, ни звезды – там вечно царит первозданная древняя тьма, и там в глубоких пещерах и гротах живут подземные жители. Но сейчас они все вылезли из своих нор и толпой теней окружили Стину Марию.

Седой старичок, который привел Стину Марию в подземное царство, сказал подземным жителям:

– Мы дадим ей овец – столько, сколько у нее было. А ну ка, овцы! Сколько вас волк задрал – все идите сюда!

И тут Стина Мария услышала, как зазвенели колокольчики, смотрит она и видит – выходят из лесу друг за дружкой овечки и ягнятки.

Только не беленькие, как в Капеле, а серые, и у каждой овцы за ушко подвешен золотой колокольчик.

– Забирай своих овец и возвращайся в Капелу, – сказал серый человечек.

И тут все подземные жители расступились, чтобы пропустить Стину Марию и ее овец. И только одна женщина не сошла с дороги.

Стала и стоит перед Стиной Марией – серая, словно тень, и старая, как земля и камни.

И вот женщина тень берет в руку русую косу Стины Марии и шепчет:

– Какая ты беленькая, какая светленькая! Красавица моя, солнышко! Давно я мечтала о такой девочке.

Потом женщина тень ласково провела невесомой рукой по лбу девочки, и в тот же миг Стина Мария позабыла все, что раньше любила.

Позабыла она про солнце, про луну и звезды, забыла голос родимой матушки, забыла имя отчье, забыла милых братцев и сестричек, забыла дедушку, который качал ее на руках, – никого больше не помнила Стина Мария, вся Капела в один миг сгладилась в ее памяти.

Одно только и запомнила девочка, что стала она хозяйкой овец с золотыми колокольчиками. И начала Стина Мария гонять овец в дремучий лес на пастбище и водить на водопой к сумрачному озеру, а самого маленького ягненочка она брала на руки и укачивала, напевая песенку:

Ох ты мой ягненок,
Бедненький малыш!

Эти слова девочка помнила; а когда она пела, ей почему то казалось, что и сама она маленькая овечка, отбившаяся от дома, и порой Стине Марии случалось тогда всплакнуть. Но она все про себя забыла и не знала, кто она такая на самом деле. Ночевать девочка приходила в пещеру, где жила женщина тень; Стина Мария звала эту женщину мамой. Овец она тоже приводила на ночь в пещеру и укладывала спать рядом с собой, ей нравилось слушать, как в темноте позванивают их колокольчики.

Сменялись дни и ночи, проходили месяцы и годы, а Стина Мария все пасла своих овец в сумрачном лесу, мечтала да пела песенки на берегу сумрачного озера, а время все шло.

Безмолвная тишина царила в подземном мире. Ни звука не слышала тут Стина Мария, кроме собственного тихого пения да тонкого звона золотых колокольчиков; разве что иногда над сумрачным озером, куда она приводила на водопой своих овец, вскрикнет в тумане какая то птица.

И вот однажды сидела она в забытьи на бережку, глядела, как пьют овцы, и задумчиво черпала рукой воду. Как вдруг раздался такой грохот, что все кругом вздрогнуло, всколыхнулись сумрачные воды; потом раздался голос, такой громкий, что все деревья в сумрачном лесу приклонились к земле, и на все подземное царство прогремели старинные слова, такие же старые, как хутор Капела:

Стук стук постук!
Для овец тучный луг,
Сколько было – столько есть.
Тучек на небе не счесть.

Стина Мария вздрогнула и точно проснулась.

– Слышу, дедушка! Слышу! Я – здесь! – закричала она.

Тут же она опаматовалась и все припомнила. Вспомнила дедушку, вспомнила голос родимой матушки, вспомнила имя отчье, вспомнила, кто она такая, и поняла, что родной дом ее на хуторе Капела.

И вспомнила Стина Мария, что она живет в плену у подземных жителей в том темном царстве, где не светят ни солнце, ни луна, ни звезды. И вот пустилась Стина Мария бежать со всех ног, а овцы и ягнята за ней; казалось, что серая речка течет следом за Стиной Марией по сумрачному дремучему лесу.

А подземные жители, услышав грохот и громкий голос, вылезли из своих пещер и гротов и злобно зашептались, а глаза у них почернели от злости. Все смотрели на Стину Марию и бормотали все громче и показывали пальцем на девочку. И тогда серый старичок, который привел сюда Стину Марию, кивнул головой.

– Пускай поспит в сумрачном озере, – пробормотал он. – Не будет нам тишины и покоя, покуда ее род живет в Капеле. Пускай она поспит в сумрачном озере.

И сразу же подземные жители, словно тени, обступили Стину Марию, и схватили ее, и повлекли к озеру, над которым стелился густой туман.

Но тут женщина, которую Стина звала своей мамой, вдруг как закричит во весь голос! Никто еще не слышал в подземном царстве такого крика.

– Красавица моя! – кричала женщина тень. – Солнышко мое!

Она ворвалась в толпу и обхватила Стину Марию своими легкими руками. Посмотрев на подземных жителей почерневшими от гнева глазами, она крикнула им срывающимся голосом:

– Только я сама, и никто другой, уложу мое дитя спать, когда настанет время!

Она подняла Стину Марию на руки и понесла к озеру, все подземные жители стояли молча и ждали.

– Пойдем, красавица моя! – бормотала женщина. – Пойдем, спать пора!

Над озером клубился туман. Едва женщина вступила в него, он густой пеленою обвил ее и девочку. Но Стина Мария заметила, как внизу под ногами блеснула вода, и с тоской подумала: "Ох ты мой ягненок, не видать тебе больше Капелы!"

Но женщина тень, которую Стина Мария звала мамой, погладила ее легкой рукой по головке и шепнула:

– Беги вслед за овечками, красавица моя!

И Стина Мария очутилась совсем одна, в густом тумане не видно было ни зги, только впереди звенели золотые колокольцы, и девочка шла за ними. Колокольчики вели ее сквозь мрак и туман, она шла долго долго, сама не зная куда, и после долгого пути вдруг почувствовала под ногами траву, короткую общипанную овцами травку, какая бывает на выгоне.

"Вот уж не знаю, куда я попала, – подумала Стина Мария. – Но трава тут растет такая же, как у нас дома".

В тот же миг туман пал росой и девочка увидела месяц. Месяц светил над хутором Капела, он как раз выглянул из за крыши овчарни. А на Лисьем камне сидел дедушка и держал в руках своих посох.

– Где же ты так долго пропадала? – спросил дедушка. – Пойдем скорее домой, пока похлебка не остыла!

Но тут он замолчал. Потому что увидел овец. Красивые белые овечки паслись на лугу вместе с малыми ягнятами, дедушка ясно разглядел их на лугу в свете месяца и услышал нежный звон колокольчиков.

– Вот уж правда, старость – не радость – сказал дедушка. – У меня в ушах звенит, и я вижу овец, которых загрыз волк.

– Это не те овцы, которых волк загрыз, – сказала Стина Мария.

Тогда дедушка посмотрел ей в глаза и понял, где побывала Стина Мария. Тот, кто побывал у подземных жителей, на всю жизнь остается меченым. Даже если ты пробыл там ровно столько времени, сколько надо, чтобы похлебка сварилась и месяц успел подняться над овчарней, метка все равно останется у тебя на всю жизнь.

Дедушка поднял Стину Марию на руки и посадил ее к себе на колени.

– Ох ты мой ягненок, – сказал дедушка. – Сколько же времени ты пропадала, бедная овечка?

– Много месяцев и много лет, – ответила Стина Мария. – И если бы ты не позвал меня, я бы там и осталась.

Но в старых дедушкиных глазах светилась радость при виде овец. Он всех пересчитал и убедился, что их столько же, сколько сгубил волк.

– Похоже, что в Капеле все таки будут стричь овец, – сказал дедушка Стине Марии. – Похоже, что надо мне с вечера наточить овечьи ножницы. Если, конечно, лунные овечки – твои.

– Мои они, чьи ж еще! – сказала Стина Мария. – Сейчас они беленькие, а были серые, когда мне их дали...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- Тсс. Молчок! – перебил дедушка.

- Дали те, кого нельзя называть по имени, – закончила Стина Мария.

Месяц все выше поднимался над крышей овчарни и озарил своим светом луг, на, котором паслись овцы и ягнята хутора Капела.

Дедушка взял свой посох и постучал по земле: "Стук стук постук..."

- Тсс! Молчок! – остановила его Стина Мария. И шепотом, дедушке на ушко, сказала стих, который был так же стар, как старинный хутор Капела:

Стук стук постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было – столько есть.
Тучек на небе не счесть.